

Се, Дева во чреве примет и
родит Сына, и нарекут имя
Ему Еммануил, что значит:
с нами Бог.

Мф. 1, 23

православная газета для молодежи

№ 1 (68)

январь 2012

ВЕРА МОЛОДЫХ

Издается по благословению митрополита Калужского и Боровского Климента
Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви

**«ВЕРА МОЛОДЫХ» –
газета для всех.
Мы не преследуем цели
обращения неверующих
или наставления
заблудших. Мы хотим
поговорить о том, что
никогда не потеряет
своей ценности: о добре
и зле, о жизни и смерти,
о любви, дружбе и
одиночестве. И о многом
другом. Делитесь с
нами своими идеями и
предложениями, ведь
«Вера молодых» – это
разговор о том, что
тревожит и волнует вас.**

**Патриарх
КИРИЛЛ:**

«Бог рождается, чтобы
явить любовь...» стр. 2

**Неудобный
праздник.**

С Богом или с ТВ –
выбираем сами. стр. 3

Не та компания.

Экскурсия в
Рождественскую ночь. стр. 4

**В поисках
бесстрастия.**

Разговор с лидером
«Аукциона». стр. 5

**Такие сложные
девушки.**

Тет-а-тет с собой. стр. 6

**Высоцкий.
Спасибо, что не
Пушкин...**

Под лупой новое кино. стр. 7

Мы не рабы.

Узнаём себя в героях
Хаксли и Оруэлла. стр. 8

Фрагмент фрески Рождества Христова
«Купание Христа Саломеей»,
(Каппадокия, XII век).

КУПАЮЩАЯ МЛАДЕНЦА

Иосиф Обручник и Дева Мария были в пути, когда Богородице настало время рожать. Иосиф пошел искать бабу-повитуху, но когда возвратился с ней к пещере, где оставил ожидавшую родов, то роды уже произошли, а в пещере засиял такой свет, что невозможно было вынести его.

«Немного времени спустя свет исчез и явился Младенец, вышел и взял грудь матери своей Марии», – так рассказывают апокрифы о моменте Рождества Христова.

По утверждению Киприана Карфагенского, «Мария не нуждалась ни в каких услугах со стороны бабуки, но Сама была и родительницей, и рождению служительницей, и поэтому воздаёт Младенцу Своему благоговейное попечение». При этом, приведенную Иосифом повитуху Саломею он называет старицей и сродницей Марии, то есть происходящей из рода царя Давида.

Её появление при Рождении Христа не случайно. Она усомнилась в возможности рождения Девственницей Младенца, но оказалась свидетельницей этого чуда.

Образ Саломеи вошел в иконографию Рождества Христова. Обычно её изображают купающей Богомладенца, в чем можно видеть намек на тайну Крещения Господня или прообраз его. Но главный смысл появления Саломеи на иконах в том, чтобы свидетельствовать как очевидице о Девстве Пресвятой Богородицы до Рождения, в момент Рождения, и по Рождестве Иисуса Христа.

**ПОЧЕМУ ПОВИТУХУ
САЛОМЕЮ ИЗОБРАЖАЮТ
НА ИКОНАХ РОЖДЕСТВА
ХРИСТОВА?**

Фрески Рождества Христова
(Каппадокия, XII век).

Преосвященные архипастыри, всечестные отцы, боголюбивые иноки и инокини, дорогие братья и сестры!

В светлый и исполненный радости праздник Рождества по плоти Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа сердечно приветствую всех вас, дорогие мои. В эту светозарную ночь мы вместе молитвенно вторим ангельскому славословию, возвещающему «великую радость, которая будет всем людям: ибо ныне родился в городе Давидовом Спаситель» (Лк. 2, 10 - 11).

Человечество, отвергшее Бога в грехопадении, вновь обретает возможность единства со своим Творцом и Промыслителем. Вхождение Сына Божия в мир есть Его добровольное умаление себя до готовности снизойти до мучительной позорной «смерти, и смерти крестной» (Фил. 2, 8). Бог рождается во плоти, для того чтобы явить Свою любовь людям и помочь обрести полноту бытия всякому человеку, желающему услышать Его призыв.

Именно поэтому нынешний праздник дарует нам непреложное упование на помощь свыше в самых сложных обстоятельствах нашей жизни. Бог, не оставивший Своего творения и открывший ему путь к вечности, явлен нам во Младенце Христе, беззащитном ребенке, нуждающемся во внимании и заботе.

Всем нам необходимо хранить в своем сердце этот библейский образ. Вспоминая лежащего в яслях Богомладенца, мы обретаем твердую веру и нерушимую надежду на Промысл Божий, ведущий ко благу всякого человека. И даже если в жизни нашей не остаются опоры, все кажется нетвердым и ненадежным, мы должны ясно осознавать, что Господь способен преобразить Своей благодатной силой боль, страдание и нищету нашего мира в блаженство, радость и изобилие духовных даров.

В праздник пришествия Спасителя мысленные взоры верных обращаются к колыбели христианства, Святой Земле, удостоившейся быть местом рождения, обитания и земного служения Господа. Ныне последователи Христа в странах, где происходили события Священной истории, переживают нелегкие испытания, сталкиваются с новыми угрозами существованию многовековой духовной традиции. Вознесем в светлые дни Рождества усердные молитвы о наших собратьях по вере, хранителях бесценных святынь, наследниках первохристианского предания.

Если страдает один член, то с ним страдают все члены (см. 1 Кор. 12, 26). Эти слова апостола относятся не только к членам одного прихода, одной церковной общины. Они, конечно же, охватывают всех чад Единой Святой, Соборной и Апостольской Церкви, Церкви Православной, распространенной по всему миру. Единство - не только в единой святоотеческой вере и общении в Таинствах, но и в сопереживании трудностям, в жертвенном служении друг другу, во взаимной молитве.

Минувший год был непростым в жизни многих стран и народов, в том числе тех, что проживают на пространстве исторической Руси: немало трагических происшествий и катаклизмов послужили испытанием нашей веры и стойкости.

Однако сегодня главные испытания свершаются не в материальной, а в духовной области. Те опасности, которые лежат в физической плоскости, наносят урон телесному благополучию и комфорту. Осложняя материальную сторону жизни, они вместе с тем не способны нанести существенный вред жизни духовной. Но именно духовное измерение обнаруживает важнейший и серьезнейший мировоззренческий вызов нашего времени. Этот

Патриарх
КИРИЛЛ:

«БОГ РОЖДАЕТСЯ ВО ПЛОТИ, ЧТОБЫ ЯВИТЬ СВОЮ ЛЮБОВЬ ЛЮДЯМ»

РОЖДЕСТВЕНСКОЕ ПОСЛАНИЕ ВЕРНЫМ ЧАДАМ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

вызов направлен на уничтожение нравственного чувства, заложенного в нашей душе Богом. Сегодня человека пытаются убедить в том, что он и только он мерило истины, что у каждого своя правда и каждый сам определяет, что есть добро, а что - зло. Божественную истину, а значит, и основоважное на этой Истине отличие добра от зла, пытаются заменить нравственным безразличием и вседозволенностью, которые разрушают души людей, лишают их жизни вечной. Если природные катастрофы и военные действия превращают в развалины внешнее устройство жизни, то нравственный релятивизм разъедает совесть человека, делает его духовным

инвалидом, искажает Божественные законы бытия и нарушает связь творения с Создателем.

Этой опасности нам должно противостоять в первую очередь, призывая на помощь Пречистую Деву и сонм угодников Божиих, дабы они своим заступничеством у Престола Владыки Святого и Истинного (Откр. 6, 10), почитаемого ныне в образе новорожденного Младенца, исходатайствовали для нас силы бороться с грехом, бороться «против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных» (Еф. 6, 12). Обманы и миражи земного благополучия важно на-

учиться распознавать в наших пагубных пристрастиях, в корыстных устремлениях, в соблазнах рекламы, в развлекательных и политических текстах. Важно всегда слышать голос своей совести, предупреждающей об опасности греха, уметь согласовывать свои действия с Евангельскими заветами.

Ныне, как и всегда, каждый христианин призван подтверждать своими ежедневными поступками ценность праведного образа жизни, сознательно противостоять нравственному релятивизму и культуре быстрой наживы. Вокруг нас много немощных, больных, одиноких людей. Немало и таких, кто в силу экономических трудностей покинул родные места в поисках заработка и нуждается в заботе, попадая подчас в недружелюбное окружение. В проведении социальной, миссионерской, церковно-общественной работы должен участвовать каждый пастьер и мирянин. По слову святителя Иннокентия Херсонского: «Только во свете Христовом можно видеть Бога, себя и мир в истинном их виде; только по указанию Откровения небесного можно найти стезю, ведущую в вечную жизнь».

С теми, кто чае Христа утешения, мы должны разделить тепло и радость нынешнего праздника. Каждый из нас может принести свет Вифлеемской звезды ближним и дальним - коллегам, друзьям, родственникам, соседям.

В минувшем году в сотрудничестве с государственными властями, общественными организациями, представителями деловых кругов было положено начало многим инициативам, которые могут сплотить людей, возродить твердые духовные и нравственные основы общественной жизни.

Развитию такого сотрудничества, также как и свидетельству о драгоценном единстве нашей Церкви, служили и совершенные мною поездки по России, Украине, Молдове. Эти посещения обогатили мой опыт молитвы и общения с верующим народом и, надеюсь, содействовали укреплению духовных уз. В богослужениях, проходивших при участии очень большого количества людей, особым образом являлась сила веры и молитвы, что и составляет красоту Православия, кра-

соту и мощь «единства духа в союзе мира» (Еф. 4, 3).

Поздравляя всех вас с Рождеством Христовым и Новолетием, молитвенно желаю неизменного пребывания в радости о Господе, Который воплотился, чтобы «мы по упованию соделались наследниками вечной жизни» (Тит. 3, 7). «Бог же надежды да исполнит вас всякой радостью и мира в вере, дабы вы, силою Духа Святого, обогатились надеждою» (Рим. 15, 13). Аминь.

Патриарх Московский
и всея Руси КИРИЛЛ.

Рождество Христово, 2012 год.

НЕУДОБНЫЙ ПРАЗДНИК

Я долгое время не мог понять – а почему, собственно, праздник наступления нового года и Рождество не совпадают? Мы же что собираемся отмечать в ночь с 31-го декабря на 1-е января? Правильно, 2012-й год от Рождества Христова! То есть теоретически и Рождество надо было бы праздновать в ту же ночь. Ан, нет! Рождество отдельно, Новый год отдельно. Почему?

Наверное, прояви я большую настойчивость, то в книжках про формирование современного календаря я наверняка нашел бы какое-то более или менее разумное объяснение этому несовпадению. А может быть, даже несколько объяснений – одно другого логичнее. Но дело не в этом. Все эти объяснения теряют значение, если поставить вопрос иначе – не «почему», а «зачем».

Мы часто сетуем на то, что Новый год у нас приходится на Рождественский пост. Вот де, у католиков как складно – сначала Рождество, радость духовная, а потом – увеселения плотские, ешь и пей, что захочется. Или вспоминают еще о том, что и у нас до революции было так же. Обычно цитируют к этому месту что-нибудь подходящее из Загоскина, про то, как встречала Рождество Москва 19-го века: сначала молитвенно, потом интимно по-домашнему, а потом и раздольно – с балами, выездами и обязательными застольями, помня, что не за горами и Великий пост.

Ах, как славно, как комфортно: вот тут мы духовные, а тут – мирские. Богу – богово, желудку – скоромное.

Нынче не так. Нынче приходится выбирать, с кем ты – с Богом или с телевизором? В нашей православной среде часто по этому поводу сетуют на то, что для большинства это слишком тяжелый вы-

бор, указывают на то, что «к людям надо подходить мягше, а вопросы понимать ширше». Ничего подобного! Именно так, как есть сейчас, – лучше всего.

Давайте вспомним события, связанные с Рождеством Спасителя. Во-первых, почему он родился в Вифлееме, а не у себя дома в Назарете? Дело в том, что Палестина тогда была частью Римской империи, и кесарю Августу потребовалось срочно узнать, а сколько у него в Израиле проживает людей. И мало того, что он придумал перепись, так еще и люди должны были «регистрироваться» по месту своего рождения – то есть почти половина евреев должна была сняться с насиженных мест и отправляться в свои родные города. Кстати, сама перепись была связана, как сформулировали бы нынешние СМИ, с уточнением фискальной политики. Попросту говоря, властям нужно было знать, кто и за что у них платит налоги, чтобы точнее прогнозировать доходы и эффек-

тивнее бороться с недоимками. И плевать было государству, что у людей какие-то свои планы, что женщины беременны, а у мужчин работа! Поэтому и Святое семейство было вынуждено отправиться в путь. Но, как это обычно и бывает, мест в гостиницах не хватало, те, кто могли принять странников на постой, их уже приняли, сколько было можно, а другие хозяева сами ушли переписываться и дома их стоят закрытые.

Так и оказалось, что уже в момент рождения Христу не находится нигде места, кроме как в хлеву. Это сейчас мы говорим малопонятное современному горожанину слово «вертеп», а вообще-то это сарайка для скота со всеми сопутствующими «радостями» – запахом прелой соломы, навоза и отсутствием нормальных постелей, а заодно и освещения – овцы с коровами в постелях не спят и перед сном не читают.

Впрочем, на этом неприятности со стороны государства не закончились – прознав про то, что родился Тот, который выше всех царей, Ирод Великий попытался устранить конкурента – физически. Святому семейству пришлось скрываться в Египте до самой смерти Ирода.

Мы часто не отдаем себе отчета – почему Рождество считается домашним, детским праздником? Да именно потому, что в этом празднике мы противопоставляем, в крайнем случае, – должны противопоставлять дом, семью (которая есть малая Церковь) – общественному, государственному. Мы в этом празднике обретаем то, чего был лишен Спаситель, пришедший во плоти на землю, – мы обретаем дом, мы вспоминаем, что он есть у нас и то, как он нам важен. Мы заново обретаем покой детства и именно поэтому Рождество становится таким «детским» праздником – с елкой, которая не просто наряженное дерево, а еще и особое праздничное действо, с хороводами, костюмами, песнями, угощением – всем тем, что потом вспоминаемо нами, взрослыми, как вершина семейных радостей. Рождество – это максимально противогосударственный, противосоциальный праздник. Рождество – это декларация того, что для христианина данная ему Богом семья – главная забота и главная радость. Рождество самим строем своим как бы

напоминает о том, что государство – это такая машина, которая работает ради самой себя: государство ради своего дохода может лишиться тебя дома, а ради своего сохранения – даже жизни (вы же не забыли про вифлеемских младенцев).

И вот теперь давайте посмотрим со стороны – что есть Новый год на фоне Рождества?

Люди разной степени трезвости, замершие перед телевизором в ожидании новогоднего обращения Президента. Нет, я отнюдь не сопоставляю всяких там иродов и августов с нашими нынешними правителями, нет! Но разве характер государственной власти так уж радикально изменился за последние две тысячи лет? И разве вы помните такой случай, чтобы за пять минут до Нового года кто-то из генсеков или президентов сказал бы что-то такое, о чем не говорилось бы в предыдущие триста с лишком дней? Да и то, что следует за этим... Впрочем, я искренне надеюсь, что когда-нибудь новое поколение телевидение в нашей стране станет настоящим соблазном для христианина: появятся какие-то передачи, которые будут обидно пропустить, будут показываться фильмы, которые ты не успел уже посмотреть благодаря торрент-трекерам и будут проходить в телевизионных студиях встречи с людьми, которым есть что сказать. Хотя, наверное, если на телевидение вернется здоровый смысл, изгнанный ради несмешных клоунов и ресторанных звезд, тогда, наверно, изживется сам собой конфликт между Новым годом и Рождеством – в пользу Рождества, конечно.

Наверное, в завершении надо что-то пожелать. Мне всегда это трудно. Да и пишу я эту статью, как вы понимаете, днями поста, когда хочется избежать слов ради молчания. Поэтому я пожелаю вам – найти Рождество. Иногда очень простые вещи становятся для нас ключом к удивительным духовным открытиям: солнечное утро, свежий снег, новая книга, кофе с корицей, утренний покой и несуетливость. Я не знаю, что именно откроет для вас смысл Рождества, но пусть это «что-то» придет к вам в этом году. Чтобы уже не надо было выбирать, потому что выбор уже сделан. Раз и навсегда – выбор между весельем и радостью.

Михаил ДЬЯЧЕНКО.

ЕСТЬ НАД ЧЕМ ПОДУМАТЬ

ПОКЛОНЕНИЕ ПОЯСУ БОГОРОДИЦЫ – СОБЫТИЕ ГОДА, УБЕЖДЕН ПАТРИАРХ КИРИЛЛ

«Самым впечатляющим событием в уходящем году неожиданно для многих, но не для православных, стало принесение в Москву и в ряд других городов России Пояса Пресвятой Богородицы из Ватопедского монастыря», – сказал Патриарх Кирилл в ходе своего доклада на Епархиальном собрании города Москвы.

«И в самом деле, на различные митинги приходят сотни или тысячи, а к Матери Божией притекли миллионы наших православных сограждан, которым удалось прикинуть к святыне после многочасового стояния в круглосточных очередях», – добавил он.

Предстоятель Русской Церкви отметил, что даже последовательные и непримиримые критики Церкви выразили искреннее удивление происходящим вокруг Пояса Пресвятой Богородицы, и призвал духовенство «быть достойными веры нашего народа».

«Бесконечная вереница таких разных людей показала нашему обществу, что соль русской земли, которую так долго и высокомерно не замечали некоторые СМИ, никогда не переставала существовать и что народные упования связаны с верой в Бога», – подчеркнул Патриарх Кирилл.

Синодальный информационный отдел Московского Патриархата

В начале жизненного пути у многих из нас был этап, когда мы пытались создать некую свою веру из разных обрывков мудрых изречений, понятий, которые мы почерпнули в жизни, в разных философских учениях и религиях. Наш век информатики накладывает свой отпечаток на наш менталитет: мы можем познакомиться со всем, с чем захотим, посредством интернета, книг или других источников информации. Но это поверхностное знакомство. И, как правило, человек поверхностный создает себе поверхностную религию из подобных поверхностно понятых им вещей. Если она удовлетворяет его, он больше и не ищет. Это, как говорит Евангелие, семя, посеянное при дороге (Мф. 13, 19).

Почему человек не ищет дальше? Потому что любое приближение к Богу накладывает на него определенные моральные запреты. Здесь начинается борьба с грехом, борьба с собой, а этого далеко не каждый хочет, далеко не каждый к этому производит. Остановившийся в своих поисках продолжает удовлетворяться своей «религией», а, по сути дела, просто отменяет по гордости некоторые положения Истины, потому что познание Истины — это постепенное освобождение от лжи, от своих заблуждений. Это труд, который предстоит человеку, это его дело.

Любая Истина настолько истинна, насколько освобождает человека от зла, меняет его в лучшую сторону. В противном случае, это не есть Истина, а просто некое земное, рационалистическое знание, душевное, но не духовное. То, что от Бога, делает человека другим, лучшим.

Конечно, хочется без труда прыгнуть сразу на десятую ступеньку, но без труда ничего не бывает. Таковы правила: есть за-

ЛЕСТНИЦА В НЕБО

МОЖНО ЛИ ПОДНЯТЬСЯ ПО НЕЙ БЕЗ ЦЕРКВИ?

Иное дело — перестать быть атеистом, иное дело — поверить в Бога, иное дело — принять Крещение, иное дело — стать христианином, воцерковленным православным человеком, полноценным членом Церкви. Все это разные вещи, разные стадии духовного роста человека, стадии богопознания.

кон постепенности, который выражен в Евангелии следующей притчей: *Царствие Божие подобно тому, как если человек бросит семя в землю, и спит, и встает ночью и днем; и как семя всходит и растет, не знает он, ибо земля сама собою производит сперва зелень, потом колос, потом полное зерно в колосе. Когда же созреет плод, немедленно посылает серп, потому что настала жатва* (Мк. 4, 26-29). Смысл этой притчи в том, что человеку-христианину нужно возрастать постепенно.

В Церкви существуют Таинства: Крещение, Причащение, исповедь и другие. Таинства — это действия, посредством которых душа таинственным образом соединяется с Богом, с благодатью, познает тайну Богоприсутствия. И люди, которые недопонимают необходимость церковности, необходимость быть членами Церкви, не понимают и Таинств. Признать Таинства и не признавать Церкви — это абсурд,

потому что Таинства совершаются только в Церкви.

Таинства — это то, о чем говорится: не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его (1 Кор. 2, 9). То, что в Таинстве человека ожидает, — лучше пережить, чем пересказать, хотя и есть прекрасные книги.

Церковь важна еще как община, как общение. Так бывает естественным путем: человек чего-то достиг, что-то понял, пережил, и когда с ним общаются, он, сам не зная того, передает свой опыт близким ему людям, которые ему доверяют. Вот этот опыт, наверное, самый ценный.

В моей жизни опыт общения с верующими людьми более всего подвиг меня к тому, чтобы я сам стал верующим. То есть, в советской действительности лучшими людьми из тех, кого я встретил, были верующие, православные. Именно православные, потому что

были и приверженцы других религий, но они на меня такого впечатления не произвели. Они были порой достаточно интересными неординарными людьми, но уж слишком «замороженными», говоря молодежным сленгом. А православные люди были очень простыми, отзывчивыми, бескорыстными, добрыми. Именно добрыми, готовыми поделиться последним, отдать и последний кусок хлеба, и кусочек своей души, если тебе это было нужно. Это, конечно, очень сильно впечатляло, особенно на фоне эгоизма, который был свойствен советским людям и представителям других религий, особенно восточных культов.

...А лучший способ разрешить для себя вопрос, нужна ли Церковь, — в нее пойти. Войти в храм, постоять, помолиться, почувствовать, где лучше молиться: в храме или вне его. Посмотреть на людей, которые там находятся, может быть, пообщаться с ними, подойти к священнику, задать вопросы. Только надо прийти не в качестве учителя и спорщика, оппонента, а в качестве человека, который хочет что-то узнать. Всякий ищущий находит (Мф. 7, 8). Так, думаю, и с вами произойдет.

Игумен Сергей (РЫБКО).

ИСПЫТАНО НА СЕБЕ

НЕ ТА КОМПАНИЯ

ИСТОРИЯ О ТОМ, КАК НЕ СМЕШАТЬ БОЖИЙ ДАР С ЭКСКУРСИЕЙ

Мама не хотела отпускать меня в эту поездку. На ночь глядя. В монастырь. С возвращением под утро... Но я была уже взрослой (за плечами институт, первый год трудовой деятельности), не послушалась, поехала. Мне очень хотелось причаститься на Рождество в отрешенной от суетного мира обстановке монастыря. Но компанию для этого я выбрала, как выяснилось, неподходящую. Это была экскурсия, заказанная для моих сослуживцев по тогдашней работе.

Проблемы с моими попутчиками начались ровно с началом Херувимской песни. Меня настойчиво начали предупреждать, что через полчаса мы уезжаем. Но я была настолько близка к заветной цели, что уверенно говорила: «Успею». На самом деле, если бы дело было в городском храме и не на праздник, то и вправду успела бы. Но это было не в городе. И был праздник. И желающих причаститься, кроме меня, был еще весь до отказа заполненный храм. «Будь что будет, но без Причастия не уеду», — решила я. После принятия этого категорического решения меня начали дергать каждые сначала пять, а потом — четыре, три, две, одну минуты. Вот я уже стою в очереди к Чаше, а меня хватают за рукав: «Поехали!». Но цель — вот

она, передо мной. И я опять умоляю: «Еще пять минут». И целый автобус людей снова ждет одну меня. Конечно, это нехорошо, но я-то понимаю, что сейчас иначе нельзя.

И вот свершилось. Отхожу от Чаши ни жива ни мертва. Я приняла внутрь Мир и Покой. Пусть так спокойно будет всегда. Но нет: «Скорее поехали!» — снова возвращают меня в реальность задержанного времени мои попутчики. И я уже готова бежать к пышущему выхлопными газами автобусу, но вдруг вспоминаю — я же благословения на дорогу не взяла! «Батюшка, благословите в дорогу, мой автобус уезжает!» И вдруг в ответ такой, как мне каза-

лось, человеколюбивый батюшка строго говорит: «Куда это ты собралась до окончания Литургии? Не благословляю!» На самом деле, непонятно, чего я так держалась за этот автобус. Добраться до дома своим ходом абсолютно не составляло проблемы. Мне ничего не оставалось делать, как, извинившись, посмотреть вслед уходящему автобусу.

Но каким было вознаграждение за эту малую потерю! Долгожданное обретение покоя (ведь я больше никому ничем не обязана), звездное небо рождественской ночи и эфирный аромат соснового леса, такой густой, что хоть на ломти режь и

вместо хлеба ешь, кажется, сыт будешь. А еще тишина. Снаружи и внутри. А еще не противоречащий этой тишине гулкий звон колоколов: от земли до Неба. И дорожка. Дорога до близлежащего городка. Теперь только оттуда можно уехать домой. Но эта дорожка, как награда, как дар, который спустя много лет не тускнеет в воспоминаниях. Не тускнеет, потому что редки минуты счастья в нашем мире. И каждая из них незабываема.

До дома добралась к вечеру следующего дня. Мама даже не ругается. Рада, что я жива-здоровая вернулась. Да и, наверное, трудно ругаться на сияющее как медный таз создание. Напоила, накормила и рассказывает, что часа в три ночи видит сон, будто мой автобус от монастыря отъезжает, а я на него не успеваю... У меня аж бутерброд не проглотился. Примерно в это время все точно так и произошло в жизни. Вот вам и чуткое материнское сердце. Никакой телепатии не надо, чтобы знать, что с ребенком происходит.

С тех самых пор я больше в монастыри с экскурсиями стараюсь не ездить. А если уж приходится, то в Таинствах участвовать не готовлюсь. Я поняла, что, для того чтобы получить пользу духовную от поездки в монастырь, нужно одиночество (по крайней мере, непривязанность к попутчикам), утомление тела и желание преодолеть свои «не могу».

Марина БОГОМОЛОВА.

— Леонид, в последнее время о своем религиозном поиске один за другим говорят самые известные рок-музыканты. Создается впечатление, что рок-среда как-то располагает если не к принятию Православия, то уж, во всяком случае, к поиску истины. Это так?

— Я не думаю. Мне кажется, это ощущение возникает просто потому, что известные музыканты больше на виду. Тут все проще: поиск истины — общее стремление для всех советских людей в 90-е годы. Мы видели, что наши деды и отцы атеизм уже попробовали, и получилось «хорошо», получилось убедительно: разломали все! Видимо поэтому тянуло узнать что-то другое, противоположное по знаку, если так можно выразиться. Поэтому не могу сказать, что меня привлекала именно православная культура: вещи, связанные с верой, начинают интересовать по-настоящему, лишь когда она уже становится частью твоей жизни.

Леонид Федоров родился 8 января 1963 года в Ленинграде. Учился в Политехническом институте. Свою первую рок-группу «сколотил» из одноклассников в 70-е годы. В 1983 году появилась группа «Аукцион», лидером которой Леонид является и по сей день. Параллельно участвует в музыкальных проектах самых разных жанров и направлений.

тела в облачении — у некоторых лица открыты, у некоторых кисти рук. Например, Илья Муромец — можно было приложиться к его руке. Я помню, какой у нас был трепет, просто мурашки по коже.

Вот это было нечто настоящее. Или — встречи. У меня жизнь очень насыщенная, я встречал массу интересных людей, но встреча с Хвостенко — совершенно особенная.

А еще, вот — знакомство с нашим другом, отцом Косьмой.

Мы жили рядом с Донским монастырем, на Серпуховском валу. В один прекрасный день просыпаюсь, и так мне тяжело, все ломит. Говорю жене, Лидочке: «Слушай, отвези меня куда-нибудь в ветлечебницу, пусть меня

живем. А из окон виден памятник князю Даниилу Московскому

— Как Вы относитесь к самому творчеству? Что тут для Вас важнее — результат, процесс, оценка?

— Мне сам процесс нравится, он мне интересен больше, чем, скажем, копаться в сути того, что я делаю. И потом я считаю, что музыка все-таки вещь не осново-

роскошные Рахманиновские оброты... С точки зрения музыки — шедевр, конечно, но с точки зрения веры — лично в меня они не попадают. Мне понятней простое, незамысловатое пение монаха. Но чтобы делать такие простые и пронзительные вещи, очень много чего с собой надо сделать. Стать монахом, скорее всего.

— А что Вы думаете о Европе?

лось, что русское искусство, за малым исключением, грешит именно страстностью, чувственностью. И, к сожалению, через это уходит само искусство, уходит его сила. А вещи самые бескомпромиссные, они всегда бьют сильнее всего.

По моему мнению, Евангелие как раз такое — абсолютно отстраненное, простое. А Ветхий Завет — тем более. Это только по-

НЕОФИТ В ПОИСКАХ БЕССТРАСТИЯ

ИЛИ О ПОЛЬЗЕ ПРОБЕЖЕК ВОКРУГ МОНАСТЫРЯ

«Нужели ты думаешь, что будешь до 30 лет заниматься вот этой музычкой?» — спрашивала мама молодого Леонида Федорова, бросившего работу в НИИ ради музыкальной карьеры. Сегодня лидеру группы «Аукцион» почти 50, и рамки его «музычки», как он сам ее называет, выходят далеко за пределы одного жанра. Этнические, старинные монастырские напевы, рок, джазовые импровизации, положенные на музыку стихи поэтов-символистов... Именно так — «музычка». Слишком серьезно ни к своему творчеству, ни к себе Леня Федоров не относится. Гораздо серьезней он относится к своей вере.

Леонид ФЕДОРОВ.

Так что дело не в рок-культуре и не в ее «мистической связи» с Православием. Я бы назвал это так: меня озарило.

— Что вам дала вера?

— Жизнь. Я бы умер давно, если б не вера. В буквальном смысле.

И потом, понимаете, сейчас мне уже почти 50 лет, я повидал в жизни всякое. И точно могу сказать, что настоящую радость человеку может дать только вера. Никакие достижения, никакие путешествия, новые впечатления, новые знакомства — ничего не дает такой радости, смысла, полноты жизни...

Многие вещи, которые когда-то казались мне чрезвычайно важными, я сейчас даже не вспомню! А какие-то вроде бы незначительные эпизоды остались в памяти навсегда. И ты понимаешь, что они-то и были самыми главными в жизни.

— А что это за события?

— В основном, связанные с храмами, со святыми местами. Например, посещение пещер Киево-Печерской Лавры. Их в то время только-только открыли, и войти даже в самые дальние галереи мог любой желающий. Над входом просто висела занавесочка, рядом стоял монах, молча, тихонько стоял, а около входа — табличка: «Если ты веришь — входи». Мы с другом переглянулись — «Мы же верим!» — и пошли. А там лежали мощи без саркофагов, просто

там усыпят, жить сил нету». Она: «Так, все понятно. Давай поднимайся, пошли бегать». И мы побежали вокруг монастыря. Май, тепло. Раннее утро, но монастырские ворота уже открыты. Я предложил зайти в храм. Зашли. И вдруг надо мной возникает такой «коршун» в черном одеянии и говорит: «Вы Леня Федоров? Здравствуйте, а я ваш поклонник!». Я подумал: «Ну вот, приехали, этого еще не хватало — монах-поклонник». Так и подружились. Отец Косьма нам очень помогал, поддерживал всегда. Однажды он нам просто вымолил квартиру — такое «практическое православие» получилось.

— Что это за история, расскажите?

— Мы жили в маленькой квартире, было тесно, а тут еще и арендную плату повысили в два раза — нужно было срочно искать что-то новое. К моменту, когда мы познакомились с отцом Косьмой, никакой перспективы у нас не было. Что делать? Узнав об этом, Косьма удивился: «Что же вы? Молебен отслужить надо, на мощах князя Даниила, он же хозяин Москвы». Не отставал от нас, пока мы не поехали с ним в Данилов монастырь на молебен. Вернулись домой, и только перешагнули порог — начинает звонить телефон. На нас просто посыпались предложения жилья, поток звонков не прекращался часа два! В итоге мы сняли квартиру, где и сейчас

полагающая. Она помогает, создает атмосферу, но я знаю массу людей, которым на эти песни глубоко наплевать. Я отношусь к творчеству, как и к таланту: мне его дали, у меня могут его и забрать.

А уж как талант использовать — тут каждый человек выбирает, что ему больше по душе. Скажем, кто-то решает: я буду делать только православное искусство. Если б я знал, что это такое, я бы, может, тоже делал! Вот, к примеру, мне не очень нравится богослужебная музыка Рахманинова, потому что, на мой взгляд, она слишком яркая, слишком роскошная.

— Это ведь дело вкуса!

— Дело не во вкусе, дело в состоянии. Например, самое потрясающее церковное пение, что я слышал, — это небольшой хор греческих монахов в Иерусалимском храме Гроба Господня. В храме нас было всего пятеро — мы с женой и еще человека три, туристы американские. И все конфессии пели по очереди. Когда запели греки — их всего-то было человек пять — мне сразу стало понятно — какая музыка должна звучать в храме. Я смотрел на одного из монахов: он ничего особенного не делал, не напрягался, не изображал ничего, он просто пел, но от этого пения — мурашки по коже! Очень простая, задушевная мелодия — и сразу все понятно. Тут никаких разговоров уже не нужно. А

Вы в свое время дали больше двух сотен концертов. Там — возрождение или пресловутая бездуховность?

— Мне рассказывал мой приятель, как в Лондоне уволили учительницу за то, что она перекрестила ученика, когда тот выходил из класса. Или как попросили уйти медсестру, потому что когда она наклонялась к пациенту, арабу, из-под рубашки вывалился крестик на цепочке — она оскорбила религиозные чувства мусульманина. Я так понимаю, что сейчас это общая тенденция на Западе. Но меня она как-то не особенно волнует — я не собираюсь жить в Европе.

— В своих интервью Вы не раз говорили, что произведение искусства ценно, когда оно холодно, как лед. Что вы имели в виду?

— Безэмоциональность, невключение себя, своего отношения. Любую историю ты можешь рассказать с ужасом, а можешь — с восторгом, в зависимости от того, что тебе нравится. А можешь — просто донести до человека конкретную вещь, смысл.

Страстность, мне кажется, всегда связана с каким-то поводом, а повод — вещь сиюминутная. Прошел повод, и во что превратилась страсть? А отстраненность — великая мощь, сила, свобода. Такое произведение ложится на любое настроение.

Мне в какой-то момент показав-

ествование и оценка на уровне: воздаяние или награда, без всяких эмоций.

— Но ведь и евангельские сюжеты вызывают эмоции, трогают...

— Во-первых, вряд ли я вправду считал свою эмоцию важнее того, что писал и чувствовал, скажем, евангелист Марк. И потом, не думаю, что эмоции — это то, ради чего стоит читать Евангелие.

— А ради чего стоит?

— Ради того, чтобы понять суть, понять, как жизнь устроена. И — снова разговор в категориях воздаяния и награды. Для меня это так.

Я вот уже лет десять не читаю никаких романов. Но Евангелие — это другая история, его действительно стоит читать.

— Потому что оно интересно?

— Нет. Потому что оно необходимо. Понимаете, я никогда не считал себя знатоком и поборником веры и сейчас не считаю: каким неопитом был, таким и остался; старался не мудрствовать, не лезть в то, чего не понимаю. Но без Евангелия жизнь себе уже не представляю: оно ставит все на свои места. И я знаю, что мне это просто надо...

Валерия ПОСАШКО.

Печатается в сокращении. Полный текст — журнал «Фома», 5 декабря 2011 г.

ТАКЖЕ СЛОЖНЫЕ ДЕВУШКИ

РАЗГОВОР С СОБОЙ В ВЕЧЕРНЕМ ТРОЛЛЕЙБУСЕ

Люблю ехать вечером в троллейбусе с большими окнами, глядя на ночной город и думая обо всём на свете. Бывает, по дороге я звоню друзьям, и разговор влечёт за собой множество мыслей. Вот и сейчас мы с подругой болтали о её очередном знакомом, сокрушались, что всё не видно на горизонте достойного кавалера... и я улетела мыслями на просторы наших жизненных историй.

Возможно, мои рассуждения смутят или даже возмутят кого-то из читателей. Заранее прошу прощения у девушек, чей опыт и взгляды отличаются от моих. Я буду писать лишь о себе и своём ближайшем окружении, потому мои наблюдения, конечно, очень субъективны.

Среди моих знакомых много «сложных» девушек. Мы из тех, кто пытается перейти из уровня «стандарт» в разряд «продвинутых» (это я о духовных поисках). Мы сильно отличаемся от девушек, которых про себя я называю по-настоящему православными. Они замуж рано выходят, и детей легко воспитывают. Интересно, знакома ли им постоянная борьба противоположностей?

Троллейбус тормозит. Мальчишка на соседнем сиденье слушает музыку в наушниках, совсем как я обычно. Но сейчас я не хочу музыки, мне нравится просто думать.

...Нам больше двадцати, но меньше тридцати. Мы уже не поколение «пепси» (тем уже под сорок), но еще и не «дети индиго». Сейчас возраст подводит нас к тому рубежу, когда незамужний статус начинает «портить биографию».

Наступает момент, когда все вокруг, будто сговорившись, постоянно спрашивают: ну как, не вышла замуж? Это порядком надоедает! Именно поэтому мы с девочками редко отвечаем честно. «Еще рано, успею», «я нахожусь в поиске себя», «у меня карьера»... Моя извечная борьба противоположностей — на самом деле хочу я замуж, а ответить честно — не могу. Такая вот двойственность.

Вообще, я убеждаюсь, что двойственность — наша главная проблема. Нас раздрают противоречия. Распушенной и бессмысленной жизни мы все-таки не хотим. Для жизни по вере — недостаточно последовательны...

С православными парнями нам как-то решительно не везет. Денди или мачо нас сперва привлекают, но очень скоро мы понимаем — ничего путного здесь не выйдет, ведь мы не готовы пойти на уступки в вопросах чести. Тот для нас плох, и этот не таков. Пока претендентов много, телефонная книжка пестрит номерами, но всегда ли будет так?

От наплыва серьезных мыслей я поеживаюсь. Если тема задевает, о ней неприятно даже думать, не то что говорить вслух.

Наше двуличие проявляется во всем. Если таких, как я, вы встретите в пятницу вечером — никогда не подумаете, что мы православные девушки. Зато в воскресенье на службе мы в длинной юбке и платочке. Мы с одинаковым интересом читаем LQ и книги духовные. Наш ум занят всем, чем угодно — одеждой, фильмами, карьерой, новостями о той или иной подружке, предвкушением выходных. Мы редко решаемся на Причастие. Все время что-то мешает.

У нас много друзей, которых невозможно пригласить одновременно на день рождения — настолько они разные. С кем-то из них мы здороваемся — «привет!», с кем-то — «спаси Господи!». По субботам мы ходим на концерты любимых групп или просто в паб посидеть, пьем и танцуем. И явно ищем знакомств, непонятно зачем — ведь мы все еще не готовы идти на уступки в вопросах собственной че-

сти... С вечеринок приходим поздно, подчас хмельные, и с трудом встаем на воскресную службу. Приходим к середине, но все равно зачем-то туда идем.

Такая жизнь может тянуться годами, и мы откладываем на потом вопрос — что же не так? Откладываем до тех пор, пока не начинаются испытания. Тут уж поневоле приходится задуматься.

Чаще всего испытывает нас одиночество. Чувствовать себя одиноким можно и в кругу друзей, и среди родных. Хочется тепла, душевного спокойствия, уверенности, что кто-то любит и заботится о тебе — обнимет, приглубит, развеселит, защитит...

Кто-то начинает активно искать знакомств. В транспорте, на улице, в кафе или во время застолья, на концерте или в путешествии девушка ловит и посылает взгляды. Часто завязывается общение, легкое, непринужденное, оно приносит радость и рождает ощущение, что наконец-то ты кому-то нужна. Вечера теперь заняты, есть кому писать sms...

Но череда таких знакомств быстро разочаровывает. Оказывается, что нам нужно что-то большее. Ведь жизни распушенной и бессмысленной мы все-таки не хотим. Кажется, что просто парень попался не тот, надо искать дальше...

Второй, самый комфортный вариант — интернет. Сайты знакомств, онлайн-сообщества и социальные сети — отличный способ заглушить чувство одиночества. Можно просто зайти в «контакт» — и долгий зимний вечер скрасят посты симпатичных парней.

Мы быстро попадаем на крючок. Комфортно, легко, никакой ответственности. Только когда внезапно пропадает интернет, понимаешь, что все осталось по-прежнему — знакомое тянущее чувство с тобой. Бывает, онлайн переходит в реалити, и повторяется вариант номер один...

Третий тип моих подруг бросается в работу, спорт, общение, поездки и творческие мастерские. День расписан по минутам, успех прямо гонится за тобой. Вопрос — что же не так? — может не приходиться годами. Но стоит этому бешеному ритму хоть ненадолго стихнуть — и одиночество сразу напоминает о себе.

Я заметила, что одинокие девушки становятся отличными волонтерами. Это, пожалуй, самый продуктивный для нас вариант. Ты полу-

чаешь то самое ощущение своей нужности, которого ищешь. Действительно, социальная работа дает нам гораздо больше, чем мы думаем. Но даже таким образом отогнать чувство одиночества можно лишь на время.

Знакомая остановка... Вспоминаю, как мы гуляли с подругой здесь, по бульвару Леси Украинки. Среди гула машин, беседуя, мы внезапно пришли к осознанию, что потребность в отношениях — не более чем подмена. Любые отношения рано или поздно теряют эмоциональную окраску, а чувствовать себя одиноким можно и в браке. Тому много примеров.

На самом деле мы никогда не бываем одни. Именно поэтому чувству одиночества не стоит доверять.

Его следует понимать правильно — как звонок (скорее, даже набат), с помощью которого Господь пытается пробиться к нам. Ведь на самом-то деле наша душа ищет общения с Богом. Это — ее настоящая потребность. Отсюда то самое постоянное напряжение, которое не проходит ни в кругу близких, ни во время свидания, ни в бешеном ритме работы. Это чувство не заглушить новыми знакомствами и веселыми тусовками. Эту потребность не удовлетворить теми слабыми «прыжками», которые мы пытаемся осуществлять в рамках нашего уровня «стандарт». Двуличие, двойственность жизни мешают сделать решающий шаг и наконец-то определиться: с

Богом мы — или нет. И Господь, по мудрости Своей, посылает нам испытания, чтобы удалить все лишнее между нами и Собой. И терпеливо ждет, когда же мы проснемся.

Я подъезжаю к дому. К чему привели мои сегодняшние дорожные размышления?

Субъективное чувство одиночества, возникшее в душе от перерывов общения с Богом — полезное испытание.

И если честно, мне кажется, что временное одиночество для нас — не испытание, а подарок.

Выйти замуж такими, каковы мы сейчас, — значит погубить брак, себя и мужа. Взглянем на себя честно и беспристрастно. Вспомним немуглую посуду, постоянные просяпания и опоздания, бесконечные проигрыши искушениям и нежелание хоть немного поработать над собой. Не умеющие смиряться, не желающие пересилить свою лень как в быту, так и в духовной жизни, мы не способны вынести бремя семейной жизни, где «тянуть» приходится не только себя, но и свою «половину».

Признаем, что пока не вышло бы из нас хороших жен. И одиночество, которое дает нам Господь сейчас, — на самом деле проявление Его любви и заботы о нас. Чтобы мы не совершили ошибку, самую бесповоротную в нашей жизни.

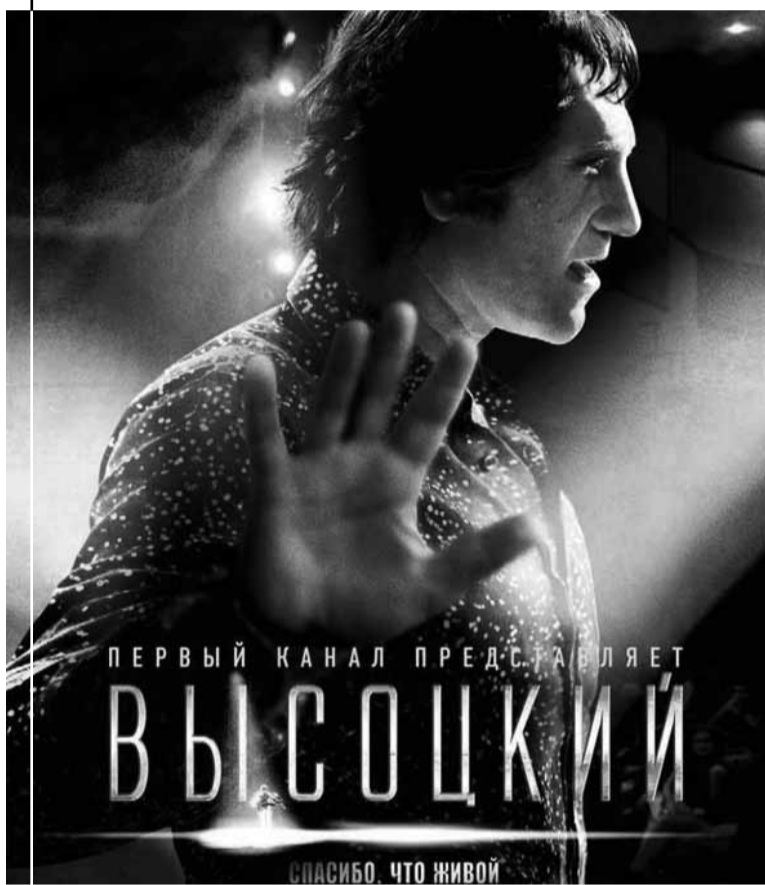
Елена Д.
Журнал «Отрок.ua»
Рисунки Андрея
ФАНДЕЕВА

СПАСИБО, ЧТО НЕ ПУШКИН...

У меня было достаточное количество причин, которые позволяли мне с чистой совестью не смотреть фильма «Высоцкий. Спасибо, что живой» и при этом считать, что ничего важного я не потерял. Самая главная из этих причин — то, что фильм снят Петром Бусловым, тем самым, который поставил несколько лет назад беспросветно мрачную кинобалладу «Бумер» о нелёгкой судьбе российских бандитов. Что этот режиссер мог снять о человеке, которого наши соотечественники считают для себя настолько важным, что ставят по популярности на второе место — сразу после Гагарина? Но вот какая штука: если современные отечественные киноиздания чаще всего проваливаются в прокате, то «Высоцкий» неделя за неделей оставался на первой строчке списка самых посещаемых фильмов. И тут уж нельзя было не попытаться понять — что делает эту ленту популярной? Пришлось смотреть.

И вот с этим, хорошо понятным для всех живших в СССР, я принялся смотреть кино.

Сразу скажу — фильм мне не понравился. Не потому, что он чем-то плох, а потому, что он ничем не хорош. За исключением единственной сцены, в которой Высоцкий вытаскивает забуксовавшую машину — вот сняли бы в такой стилистике весь фильм, цены бы ему не было, кино стало бы вровень с «Летят журавли» и «Москва слезам не верит». Но вместо того, чтобы снимать красиво, сняли модно. Зря. Кстати, я заметил, что многие тоже обратили внимание на эту сцену — незамысловатую, очень бытовую, но очень все-таки приметную. Что в ней такого? Молодой Высоцкий со своей семьей едет куда-то на такси по загородной дороге ранней весной и машина застревает в грязи. Высоцкий помогает вытолкнуть машину и в какой-то момент снимает свое новенькое (как мне показалось) стильное пальто и бросает его под колеса автомобиля в грязь — машина выскакивает из ямы и Владимир Семенович смотрит, как она едет дальше, чтобы снова не увязнуть, увозя его жену и детей. Всего несколько минут — очень все по-бытовому, очень все просто. Но именно эта сцена — единственный момент настоящего искусства в фильме: простыми образами, без лишнего слов она полностью объясняет героя. И в том числе объясняет то, чем Высоцкий был так значим для тех, кто его любил.

Для начала — про что фильм? Кино про четыре дня гастролью Высоцкого в Узбекистане. В этой истории вы не увидите Высоцкого-поэта или Высоцкого-бунтаря. Авторы оставили за бортом способность Владимира Семеновича дружить, раскрывать сложные образы на сцене или бескомпромиссно бороться за правду. В центре этой истории Высоцкий-пациент. Вокруг него постоянно крутятся врачи, кто-то постоянно говорит о его болезнях, из которых самая опасная — это наркомания. Собственно, вокруг наркотиков и крутится весь сюжет: уехав на гастроли, артист оставил дома запас ампул с волшебной жидкостью, без которой он уже не мог фактически жить, а в Узбекистане добыть нужный раствор не удалось. Вот про то, как везли наркотики, как переживали промоутеры гастро-

лей по поводу этой ситуации, про то, как Высоцкому было сначала очень плохо, а потом стало как-то нормально — про это и кино.

То есть, если вы хотели открыть для себя что-то новое в личности Владимира Семеновича, то не стоит чего-либо такого ждать от этого фильма. Тот человек, которого мы привыкли воспринимать сильным, мужественным и честным до какой-то исповедальной наготы, представлен в этой ленте больным слабаком. Что тоже, наверное, в какой-то степени является правдой о последних годах жизни Высоцкого, но ведь не благодаря своим слабостям он стал выдающимся поэтом и подпольным героем страны, ведь да? Но то, что двигало Высоцким в его творчестве, что было его стержнем, — в фильме напрочь отсутствует. За исключением той сцены с буксующим такси, которую я уже упоминал.

Впрочем, есть все-таки в этой ленте некое второе дно. Я, правда, не уверен, что оно появилось благодаря замыслу авторов, впрочем, какая разница, главное что есть этот дополнительный подтекст, многозначительный и существенный второй план. Речь идет вот о чем: в фильме присутствует два типа героев. Одна группа — это «тусовка», администраторы Высоцкого, его личный врач, мелкие и крупные филармонические жучки. Именно они снабжают Высоцкого наркотиками, они прокручивают махинации с «левыми» концертами, на них охотится КГБ и из-за них у Высоцкого возникают трения с государством. И есть второй слой персонажей, как правило, эпизодических: узбекский врач, отказавшийся продавать наркотики (надо так понимать, что в столице фокус с почечной коликой прокатывал), продащица билетов, которая помогла жене Высоцкого не за взятку (хотя предлагали), а просто из жалости. В фильме эти две группы людей не то чтобы противопоставляются (именно поэтому я думаю, что авторы не ставили себе такой цели), но все же из происходящего в кадре можно понять, что одна группа паразитирует на второй.

В фильме действие разворачивается в 1979 году и мы знаем, что через несколько лет СССР рухнет под крики о свободе, честной плате за честный труд, о европейском выборе. И в результате этого

хозяевами жизни окажутся спекулянты, взяточничество станет нормой жизни, а слово «наркотики» начнет прочно ассоциироваться с артистической богемой.

Но возвращаясь к фильму: а может быть и в самом деле невозможно снять биографический фильм о поэте так, чтобы становился понятен из этой ленты характер литературного труда? Ведь в самом деле — поэт не спортсмен, даже в самые напряженные моменты его работы не покажешь пот у него на лбу и вздувшиеся жилы на руках. Поэт за работой так не выглядит, он просто сидит и что-то пишет. А чаще даже просто смотрит перед собой в окно. И только изредка что-то на листочке перед собой зачеркнет, а потом там же что-то запишет. А что он там написал — клеюзу в домоуправление или великую историю любви — и не поймешь...

Михаил ДЬЯЧЕНКО.

P.S. Да нет же, есть ленты, которые рассказывают интересно и о поэтах и о музыкантах. Не всегда следуя точному пересказу событий, иногда позволяя присутствию фантазий на тему судьбы художника, но все же достоверно показывая то, как непросто и причудливо в душе поэта сплетаются страсть и стремление к правде. Если вам интересны такого рода фильмы, то посмотрите «Амадея» Милоша Формана, «Дорз» Оливера Стоуна и обязательно «Гинзбург. Любовь хулигана». Последний фильм интересен не столько тем, что в его озвучивании участвовал Сергей Шнуров, но тем, что он посвящен глубокому осмыслению судьбы французского бунтаря (к слову сказать, во многом похожего на Высоцкого), мучимого страхами, комплексами и жадной красотой. Весьма советую! А что до фильма «Высоцкий» — не тратьте ни денег, ни времени. Не стоит.

М. Д.

Для того, чтобы в семидесятые или восьмидесятые годы прошлого века услышать в динамиках голос Высоцкого, нужно было, во-первых, иметь правильных друзей. Записи Высоцкого невозможно было просто купить в магазине. Вернее, диски его, конечно, выпускала «Мелодия», но было их то ли два, то ли три и на них были записаны самые безобидные песни — про телефонистку, про зарядку, про «жираф большой», да немного лирики — про дом хрустальный и про корабли. А те, где был нерв и боль и страх — это только на магнитофонных катушках, только по знакомству. В том случае, если человек тебе доверял и знал, что ты «свой мужик», то на магнитофон ставилась заветная катушка и хриплый голос стихами рассказывал тебе про твою жизнь и про то, что ты чувствовал, но не знал, как это сказать.

А для того, чтобы заполучить такую запись, тоже надо было изрядно потрудиться: записать лентой (можно, конечно отечественной «Свемой», но она быстро сыпалась, поэтому лучше немецкой «ORWO» или «Agfa», но их еще поидти найти да и стоили они соответственно), отвезти свой магнитофон через полгорода, не забыв при-

хватить кабели для перезаписи. Потом, собственно перезапись, которая длилась несколько часов. Ну а после снова тащиться с громоздким катушечником через город — уже по темноте, чтобы, водрузив магнитофон на его законное место, поставить, наконец, уже свою собственную катушку, включить в сеть и слушать «Охоту на волков» или «Диалог у телевизора», «Большой каретный» или «Канатоходца».

У многих в этот момент жизнь менялась на «до» и «после». Потому что наутро после этого слушать то, что лилось из радиоприемника под видом песен, было уже невозможно. Один раз узнав, что можно вот так вот запросто рассказывать о самом сокровенном, о самом важном, о том, что составляет ядро твоей жизни, принять разухабистые шлагеры про птицу счастья казалось предательством. Высоцкий не объяснял — показывал, что поэзия это не такие специальные слова, расставленные в столбик, но — инструмент, может быть, самый важный, инструмент самопознания, способ сказать правду так, чтобы ее уже невозможно было забыть. Песни Высоцкого для всех были способом оказаться свободными.

8 МЫ НЕ РАБЫ

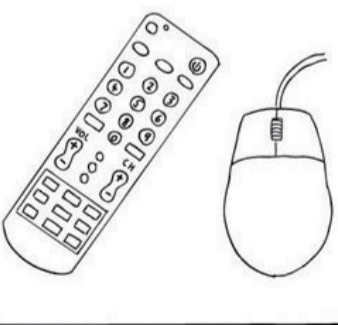
СБУДУТСЯ ЛИ МРАЧНЫЕ ПРОРОЧЕСТВА?

А ТЕПЕРЬ СИДИ И СЛУШАЙ!

Если вкратце, то Оруэлл боялся, что нас погубит то, что мы ненавидим.

Хаксли боялся, что нас погубит то, что мы любим.

Человек всегда мечтал заглянуть в будущее, хотя бы одним глазком. К счастью или несчастью, людям этого не дано.

Но есть те, кому, может, раз в тысячу лет, удаётся приподнять самый краешек таинственной завесы. Чаще всего это писатели и поэты, чей дар от Бога, бывает сродни дару пророка.

В первой половине XX века сразу несколько писателей описали грядущее общество в весьма мрачных тонах, разом сделав популярным молодой литературный жанр – «антиутопия». Творения Джорджа Оруэлла («1984») и Олдоса Хаксли («О дивный, новый мир») стали классикой.

И вот теперь, на заре века XXI, пугающие пророчества одного из них, похоже, начинают сбываться...

КРУШЕНИЕ ИЛЛЮЗИЙ

В двадцатых – тридцатых годах прошлого века, в среде молодой европейской интеллектуальной элиты, было модно быть «левым». Ученик престижного Итона Эрик Артур Блэр не избежал общего поветрия. Став публицистом, где-то примерно в 1935 году он начал подписывать свои корреспонденции псевдонимом «Джордж Оруэлл».

Обуреваемый романтикой революционной борьбы, Оруэлл отправился добровольцем в Испанию, где вспыхнула гражданская война. Но в «красной» Испании все сильнее возрастало влияние Сталина...

В 1937 году, практически одновременно с СССР, под руководством палачей из НКВД, начались репрессии и в республиканской Испании. Тысячи искренних защитников республики, и, в их числе, Оруэлл, оказались в застенках. Людей расстреливали без счета, но самому Оруэллу удалось вырваться и вернуться в Англию. Буквально чудом.

СКОНЦЕНТРИРОВАННЫЙ АД

Когда в 1949 году увидел свет роман «1984», в нем отразился весь ужас автора, столкнувшегося с чудовишной, античеловеческой машиной террора.

По Оруэллу, мир к 1984 году разделили три постоянно воюющих тоталитарных сверхдержавы – Евразия, Остзия, и простершаяся на землях Британской империи и обеих Америк Океания.

В Океании установилась власть одной партии, исповедующей идеологию «ангсоца» – «английского социализма». Большая часть населения, «пролы» – от слова «пролетарий», низведена до полуживотного существования. Над ними – Внешняя Партия, тысячи мелких клерков, рядовых служащих режима. Им

дозволено больше материальных благ, но за ними же установлен и жесточайший контроль – в каждом доме стоит «телекран», помесь телевизора с камерой наблюдения.

Пирамиду венчает Внутренняя Партия, подлинный хозяева страны, во главе с Большим Братом. Все граждане просто обязаны верить каждому его слову. За их лояльностью следит Полиция Мыслей. Именно Мысли, ведь даже в мыслях все должны любить Большого Брата...

Вообще, конечно, многие элементы оруэлловского повествования нам, жителям постсоветских стран, знакомы до боли. Чего стоят хотя бы постоянные слова – сокращения, вроде «ангсоц» и «прол», в «новоязе» – специально созданном языке Океании. Как это близко к «совнаркому» и «пролеткульту»!

Ничего удивительного, что «1984» в СССР был запрещен. По сути, все мы жили немножко в Океании...

Но все же, все же... До такого сконцентрированного кошмара и безнадёги, какие описаны у Оруэлла, мир все-таки не докатился. Ни к 1984 году, ни к 2011-му. И в этом, возможно, огромная заслуга самого Оруэлла, заставившего людей заглянуть в пропасть, и, ужаснувшись, отпрянуть от гибельного края. Тот самый случай, когда пророк оказался «ложным»... на счастье всего человечества.

Впрочем, счастье тоже может быть жутким...

КОНЦЕНТРАЦИОННЫЙ РАЙ

Олдос Леонард Хаксли для исполнения своих мрачных пророчеств отвел срок гораздо больший, чем Оруэлл. Действие его романа «О дивный, новый мир», написанного в 1932 году, переносит нас аж в XXVI век от Рождества Христова. Впрочем, в «дивном» мире

Хаксли давно действует другое летоисчисление.

В отличие от будущего по Оруэллу, этот мир давно объединился в единое государство, а технологический прогресс достиг невиданных высот. Настолько, что заменил людям Бога. И года теперь отсчитываются от... выпуска первого массового автомобиля Форда – «Форда – Т».

Технология заменила людям не только Бога – она отняла и семью. Слова «отец» и «мать» являются ругательствами. Людей выращивают в промышленных масштабах на «человекофабриках». И как на всякой уважающей себя фабрике, качество выпускаемого продукта – людей, прогнозируется заранее, уже на стадии эмбрионов. Есть люди – альфа (самые лучшие), люди – бета, люди – гамма и так далее...

Вздрыгнули? Зато никакого полугодного нищенства, как в «1984». Наоборот, люди у Хаксли просто обязаны потреблять как можно больше различных вещей и продуктов (выпускаемых для них низшими кастами).

Этот мир действительно дивный. В нем нет социальной розни и зависти, все довольны своим положением, даже самые «низы» – благодаря массовой гипнотической обработке. А любые жизненные тяготы легко переносятся благодаря легальному наркотику – «соме»: «Сомы грамм – и нету драм!».

И вот здесь уже начинает становиться страшно...

Страшно мне стало еще в прошлом году, когда я прочитал вот это:

«БЕРН, 3 сентября 2010г. В борьбе с сексизмом Совет Европы... рекомендует всем своим 47 членам отказаться в официальном обращении от "сексистского языка"»...

Отмечается, что Швейцария первой приступила к преобразованиям. В столице Берне из официального обращения уже исчезли слова «мать» и «отец». Теперь они именуется только «родителями».

Ну а то, что наше нынешнее общество давно уже именуется «обществом потребления», а «установки» из романа Хаксли («Сомы грамм – и нету драм!», «Лучше новое купить, чем старое носить») так похожи на современные рекламные слоганы, лишь добавляет жути. Говорят, и легализация «неопасных наркотиков» не за горами... Вот так, буквально на наших глазах, в реальности возникает «дивный новый мир», как будто списанный со страни антиутопии. Неужели Хаксли был прав?

SHOW MUST GO ON

Хаксли «побеждает» Оруэлла, это очевидно. Можно держать людей на грани выживания, чтобы у них не возникло даже мысли о бунте – но того же результата легко достичь,

заставив их увязнуть в бесконечной гонке потребления. Ежедневный «шопинг», бессмысленный и беспощадный, убивает самостоятельный ум не хуже голода.

Контроль за мыслями, цензура и ограничение информации... Зачем? Наоборот, дайте человеку как можно больше информации – пустой, легкой, необременительной, и он сам со временем не захочет читать ничего сложнее глянцевого журнала. Шоу, как можно больше шоу!

Как можно больше удовольствий и развлечений – лозунг нового мира. Лозунг самой жуткой тоталитарной диктатуры, которая только может быть, далеко превосходящей Большого Брата с его провинциальным злодейством. Диктатуры, которая правит людьми, даже не замечающими ее существования. От нее нет спасения...

Кроме одного.

Миры Оруэлла и Хаксли различны буквально во всем, но в одном сходятся – и там и там христианство вне закона.

ПУТЬ СПАСЕНИЯ

Что страшит тиранов любой окраски? Когда они кого-то не контролируют.

Когда человека невозможно запугать пытками, как запугали и сломали несчастного Уинстона Смита, главного героя «1984». Когда он равнодушен к погоне за удовольствиями. Когда его нечем «подцепить» и не на что приманить.

Но кто способен превозмочь пытки и пренебречь наслаждениями? Только тот, у кого есть внутренний источник силы. Тот, у кого есть вера. У кого есть Бог.

Недаром деспоты всех времен, от Ирода и Нерона до Сталина и Пол Пота пытались уничтожить христианство, силой или подкупом. Оно мешало им. Мешало всегда. Мешает и строителям «нового дивного мира», достаточно посмотреть, с какой яростью нападают на него всевозможные современные «гуманисты», «либералы» и атеисты.

И тот, кто по-настоящему ценит свободу, не может не уважать христианство, хотя бы уже за одно только это.

Джордж Оруэлл, в силу своих левых убеждений, религии не симпатизировал. И именно потому, эти его мудрые слова особенно ценны:

«О дивный новый мир» Олдоса Хаксли был превосходным шаржем, запечатлевшим гедонистическую утопию... Но нам надлежит оставаться детьми Божиими, даже если Бог из молитвенников более не существует...».

Потому что дети Божьи никогда не будут ни рабами потребления, ни рабами страха.

Станислав ПАВЛОВ.

Взято из книги «AMUSING OURSELVES TO DEATH: PUBLIC DISCOURSE IN THE AGE OF SHOW BUSINESS» Нейла Постмана

Книги о том, что возможно был прав Хаксли, а не Оруэлл.

№ 1 (68)
7 января 2012

**ВЕРА
МОЛОДЫХ**

Учредитель: Калужская епархия.
Адрес учредителя: 248000 г. Калуга, ул. Набережная, д. 4. Тел.: 56-27-00.
Главный редактор: М.В. Богомолова.
Адрес редакции: 248600 г. Калуга, ул. Марата, д. 4. Тел.: 57-53-06.
E-mail: veraml@mail.ru

Отпечатано в ОАО «Калужская типография стандартов» - 248021 г. Калуга, ул. Московская, д. 256.
Заказ Тираж 3000 экз.
Сдано в печать 26.12.2011
По графику - 13.00
Фактически - 13.00

Газета зарегистрирована в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.
Свидетельство ПИ № ФС77-27828 от 12 апреля 2007 г.

Номер сверстан в редакции газеты. Распространяется бесплатно.

Просим газету не выбрасывать и не использовать в хозяйственных целях. Её можно отнести в ближайший храм или дать почитать другому.

Поделитесь с нами своими идеями и предложениями, ведь «Вера молодых» - это разговор о том, что тревожит и волнует вас. Наш адрес: veraml@mail.ru

Архив номеров можно найти на сайте: eparhia-kaluga.ru, раздел: периодика > газета «Вера молодых».